

© И. Г. Семенов

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

До середины XX в. в фольклоре горских евреев были представлены сказания общепиранского происхождения и сказания на библейские сюжеты. Последние можно встретить в культуре каждой еврейской группы; в еврейской религиозной традиции они известны под названием ha-gadah (הגדה) — «повествование». Доминировали в этот период в сказительской практике горских евреев сказания на родном языке. Значительное место в данной их практике тогда занимали также сказания на азербайджанском, ногойском и кумыкском. Их носителям длительное время принадлежало политическое доминирование в указанных регионах, и эти языки выступали языками межэтнического общения. Реже в сказительской практике горских евреев встречались сказания на северокавказских языках. Фольклорные традиции их территориальных групп несколько различались между собой, что объяснимо влиянием соответствующих традиций соседних для каждой из них народов. Территориальные группы горских евреев и соответствующие им говоры можно подразделить на северную и южную. В ареале распространения говоров северной группы языками межэтнического общения долгое время служили кумыкский и ногойский, тогда как в ареале распространения говоров южной группы таковым являлся азербайджанский. Представители северной группы свободно владели кумыкским или ногойским, но мало, кто из них понимал по-азербайджански. Представители же южной группы свободно владели азербайджанским, но мало, кто из них понимал по-кумыкски или по-ногойски. С середины XX в. у них наблюдается постепенное вытеснение родного языка русским. К настоящему времени этот процесс близок к своему завершению. Вытеснение родного языка русским привело к трансформации их фольклорных традиций: сказания, пословицы, поговорки, присказки и прибаутки у них теперь, преимущественно, традиционны русские. Вследствие этого, у разных территориальных групп наблюдается универсализация самих фольклорных традиций, а с традиционным для них фольклором на горско-еврейском языке они знакомятся в русских переводах. Ряд небылиц, сказок, исторических сказаний, пословиц и поговорок горских евреев был записан автором в 1994 г. со слов дербентского сказителя Рафаила Авияевича Рафаилова (1924–1997). В настоящее время у горских евреев нет ни одного сказителя на родном языке — Р. А. Рафаилов был последним из них.

Ключевые слова: *межкультурный диалог на Кавказе, периодизация культурных взаимовлияний на Кавказе, вытеснение у горских евреев родного языка русским, сказители, поминальный плач*

Ссылка при цитировании: Семенов И. Г. Фольклорные традиции горских евреев // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 126–144.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/126-144

Original article

© Igor Semyonov

FOLKLORE TRADITIONS OF MOUNTAIN JEWS

Until the mid-20th century, the folklore of Mountain Jews included tales of common Iranian origin and tales based on biblical themes. The latter can be found in the culture of every Jewish group; in the Jewish religious tradition, they are known as ha-gadah (הגדה) — “narrative”. During this period, the Mountain Jews’ storytelling practices were dominated by tales in their native language.

Tales in Azerbaijani, Nogai and Kumyk also played a significant role. The speakers of these languages for a long time enjoyed political dominance in the regions where Mountain Jews lived, and these languages were used for interethnic communication. Less common in the storytelling practice of Mountain Jews were tales in North Caucasian languages. The folklore traditions of their territorial groups differed somewhat from each other due to the influence of the neighboring people’s traditions. The Mountain Jews can be divided into northern and southern groups, each with their own sub-dialect. The northern group speech was influenced by Kumyk and Nogai, which were languages of interethnic communication in the area, while in the area where the southern group dwelled, this was Azerbaijani. Northern group Jews were fluent in Kumyk or Nogai, but few of them understood Azerbaijani, while for the southern group it was the other way around. Since the mid-20th century, they have been gradually replacing their native language with Russian. This process is now almost complete. The displacement of their native language by Russian has led to the transformation of their folkloric traditions: their tales, proverbs, sayings and jokes are now predominantly traditionally Russian. As a result, their territorial groups are experiencing a universalization of their folklore traditions, and they are familiar with their traditional Mountain Jewish folklore in Russian translations. Some tall tales, fairy tales, historical anecdotes, proverbs and sayings of Mountain Jews were recorded by the author in 1994 from the words of the Derbent storyteller Rafail Aviyaevich Rafailov (1924–1997). Currently, there are no longer any storytellers of Mountain Jewish folklore in their native language — R. A. Rafailov was the last.

Keywords: *intercultural dialogue in the Caucasus, periodization of cultural influences in the Caucasus, displacement of the native language of Mountain Jews by Russian, storytellers, funeral lamentation*

Author Info: **Semyonov, Igor G.** — Doctor of History, Independent Researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: i_semyonov61@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8102-3877>

For citation: Semyonov, I. G. 2026. Folklore Traditions of Mountain Jews. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 126–144.

В XVIII в., когда горские евреи впервые попадают в поле зрения отечественной и европейской науки, они были расселены дисперсными группами в восточнокавказском регионе — на территории современных Азербайджанской Республики и Ре-

спублики Дагестан. С данным регионом и связано формирование горских евреев в качестве одной из еврейских групп.

В XIX в. на Кавказе происходят значительные политические перемены, связанные с включением данного региона в состав Российской империи. В этот период у горских евреев формируется положительный образ русских, причем их симпатии к русским были взаимными — в русской литературе и в документах русской военной администрации образ горских евреев носит исключительно положительный характер. Во время Кавказской войны (1817–1864) горские евреи выступают союзниками Российской империи. В этот период одной из крупнейших их территориальных групп являлась община с. Андрейаула (его кумыкское наименование: Эндирей). В 1831 г. кумыкское население данного аула, присягнувшее было России, присоединилось к восставшим горцам. Ими был атакован русский гарнизон Андрейаула, а также и кварталы горских евреев. Последним пришлось вместе с русским гарнизоном отойти в крепость Внезапную. Там они пережили штурм крепости восставшими горцами (*Черный* 1878: 311). Спустя несколько лет, горские евреи, покинувшие Андрейаул, по предложению русской военной администрации, оседают на территории современных Чеченской Республики (в крепости Грозная), Кабардино-Балкарской Республики (в крепости Нальчик) и Краснодарского края (в станице Джегонас).

Тем самым, палитра культур, с которыми горские евреи длительное время пребывали в тесном взаимодействии, становится разнообразнее, а вследствие этого большее разнообразие получает и культура горских евреев. Опыт мигрантов, оказавшихся в новом для себя этническом окружении, обогащал всю горско-еврейскую общность. Новое этническое соседство было представлено, преимущественно, русским населением, а также населением терско — и кубанско-казачьим, ногайским, чеченским, кабардинским, балкарским.

* * *

До середины XX в. в фольклоре горских евреев были распространены сказания общеиранского происхождения и сказания на библейские сюжеты. Последние можно встретить в культуре каждой еврейской группы. В еврейской религиозной традиции они известны под названием *ha-gadah* (הגדה) / «повествование», в узком смысле «повествование на пасхальные сюжеты». Преобладали в то время в сказительской практике горских евреев сказания на родном языке. Значительное место в данной их практике занимали также сказания на местных тюркских языках — азербайджанском, ногайском и кумыкском, что обусловлено тем, что их носителям длительное время принадлежало политическое доминирование в указанных регионах, и эти языки выступали языками межэтнического общения и языками высокой культуры для местных народов. Реже в сказительской практике горских евреев встречались сказания на северокавказских языках.

Сказки у них сказывались, преимущественно, на родном языке, причем наблюдается богатейшее разнообразие этих сказок. Сказки же тюркского и северокавказского происхождения сказывались ими на языках оригинала. Предания и легенды также у горских евреев преобладали на родном языке. Это же касается и пословиц, поговорок, присказок, прибауток, поминальных плачей. Предания, пословицы, поговорки, присказки, прибаутки тюркского и северокавказского происхождения передавались ими на языках оригинала. Песни горские евреи в этот период сочиняли только на тюркских

языках (см. ниже). Исключение составляли гимны во славу Всевышнего на древнееврейском, сочиняемые для религиозных праздничных ритуалов (см. ниже).

Фольклорные традиции территориальных групп горских евреев несколько различались между собой, что объяснимо влиянием соответствующих традиций соседних народов каждой из этих групп. Для того, чтобы более предметно судить о характере различий, можно было бы воспользоваться сложившимся в литературе описанием особенностей культуры этих территориальных групп и, в частности, их языковых особенностей, однако, в науке пока еще не до конца сформированы и проработаны представления не только об их общекультурных или, хотя бы только, об их языковых различиях, но не сложились даже представления о количестве этих групп. Ниже данная ситуация будет отчасти исправлена.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что обращение к ней послужит науке еще одним образцом изучения многовекового межкультурного взаимодействия на примере фольклорных традиций горских евреев, а также позволит пролить дополнительный свет на проблему периодизации культурных взаимовлияний на Кавказе. Важность темы статьи обусловлена и возможностью изучения трансформации фольклорных традиций горских евреев на протяжении длительного, многовекового периода времени. На это и нацелена настоящая статья.

* * *

К последней четверти XIX в. относятся публикации ряда исторических преданий горских евреев в работах И. Я. Черного (*Черный* 1878), И. Ш. Анисимова (*Анисимов* 1888) и др. В этот же период Михаилом Бежановым издаются в переводе на русский около полусотни сказаний горских евреев Варташена (*Бежанов* 1894). В 1913 г. В. Ф. Миллером опубликована горско-еврейская песня (*Миллер* 1913).

Первым известным науке сказителем горских евреев являлся Хизгийó кук Амнún Дадашев (1870–1944) из с. Ньюди (Дербентский район Дагестана). В публикациях фольклористов он упоминается как Хизгийё Эми. Эми́ — домашнее имя отца Хизгийё, а бытование у горских евреев сочетаний типа *Хизгийё Эми* объясняется тем, что у них в имени и отчестве термин *кук* (или *бин*) «сын» обычно опускается. Хизгийё Эми писал также стихи на азербайджанском и на языке горских евреев. В генеалогической карте Дадашевых он представлен под индексом АД5 (см.: Генеалогия горско-еврейской 2013: 33). Со слов Хизгийё Эми фольклористами Х. Д. Авшалумовым и М. М. Дадашевым в 30-х годах XX в. было записано более полусотни сказок. Часть из них была издана в 1940 г. (Фольклор тати 1940). В 1947 г. появляется еще один сборник сказок, записанных со слов Хизгийё Эми. Они были собраны и подготовлены к изданию Д. А. Атниловым (*Дадашев* 1947). В этот сборник вошли шестнадцать сказок.

В 1972 г. выходит в свет иллюстрированный сборник сказок «Упрямый воробей» Амалдана Кукуллу (Кукулиев Амалдан Данилович; 1935–2000; ур. Хасавюрта, Дагестан). В сборник вошли три сказки горских евреев — в русском переводе (*Кукуллу* 1972). В 1974 г. издан сборник сказок «Золотой сундук» А. Д. Кукулиева (Золотой сундук 1974). В него вошли 47 сказок горских евреев — в русском переводе. Это самый лучший перевод сказок горских евреев; в каждом переводе каждой сказки очень удачно переданы их стилистика, самобытность и колорит; в каждом переводе каждой сказки брызжет выбивающаяся через край музыка. По рассказам А. Д. Кукулиева, он записал множество сказок, поговорок и пословиц горских евреев со слов

своей матери, Александры Николаевны Кукулиевой (девичья фамилия Шубаева; ур. Хасавюрта; 1914–2003), но лишь незначительная их часть была издана им в переводе на русский (личные беседы в 1999 г.).

Вскоре после образования в 1970 г. «Комитета прав человека в СССР» А. Д. Кукулиев вступает в него, после чего его арестовывают сотрудники КГБ и прямо у него на глазах уничтожают все магнитофонные ленты с записями фольклорных материалов, надиктованных матерью.

Историография проблемы, к сожалению, не особенно обширна.

В одной из работ Г. Б. Мусахановой аргументируется, что литература горских евреев имеет своими корнями их фольклорные традиции (Мусаханова 1993: 15). С этим трудно не согласиться. В ряде работ И. Г. Семенова анализируются распространенные в дагестанских преданиях о еврейском, армянском, грузинском и русском происхождении населения ряда мусульманских аулов Дагестана и отдельных их кварталов (Семенов 2009а; Семенов 2009б; Семенов 2009в). В этих работах И. Г. Семеновым делается вывод о том, что в большинстве указанных легенд обозначение того или иного селения «еврейским» ассоциируется с понятием «старинный, древний». Так, например, «еврейскими» в этих легендах именуются самые старые селения, «еврейскими» же кварталами того или иного селения именуются самые старые из них. «Еврейскими» в этих преданиях могут именоваться и старинные памятники — архитектурные, погребальные, фортификационные и др.

В этих легендах вместо эпитета «еврейский» — в его ассоциации с понятием «старинный, древний» — могут выступать эпитеты, ассоциирующиеся у местного населения с миром христианской культуры, а именно «армянский», «грузинский» или «русский». Выбор «нужных» вариантов этих эпитетов напрямую зависит от происхождения собеседников. Так, в вариантах, ориентированных на еврейскую аудиторию, и старые села именуются «еврейскими», и наиболее старые кварталы того или иного селения именуются «еврейскими», и наиболее старые памятники именуются «еврейскими».

Переход «бывших евреев» в мусульманскую религию в этих преданиях, как правило, объясняется насильственным обращением. Это своего рода игра, причем играют в нее исключительно сельские люди. Эта игра, на первый взгляд, представляет собой игру в поддавки, однако, в действительности, в ней выигрывают обе стороны, во всяком случае, именно на такой результат нацеливаются ее инициаторы. Данный результат запрограммирован убежденностью местных сельских людей в том, что выиграть у городских они никак не могут, и поэтому все их расчеты могут строиться на достижении хотя бы ничейного результата. Уступая в данном случае городским победу в состязаниях за религию, сельские, тем не менее, уравнивают себя с ними через религию же — наши предки являлись приверженцами той же религии, что и ваши, но наших насильно обратили в мусульманскую религию. Здесь налицо попытка уравнивать себя с городскими.

Надо напомнить в этой связи, что именно в городах Дагестана не так давно очень часто встречались приверженцы христианской религии — армяне, грузины и русские, и приверженцы иудаизма — горские и европейские евреи, субботники.

Особенно легко в эту игру вовлекаются приверженцы иудаизма. Для них участие в данной игре позволяет вписаться в местную этническую среду. Они создают на основе этих преданий свои собственные, уже еврейцентричные, а те, в свою очередь, обыгрываются сельскими на свой собственный манер, и, тем самым, эта игра может продолжаться

бесконечно долго. Участие в этой игре служит средством межкультурного диалога, через который происходит достижение каждой из сторон своих собственных целей.

Выше уже говорилось о необходимости привлечения к изучению особенностей фольклорных традиций территориальных групп горских евреев материалов, реконструирующих общую культурную специфику этих групп и, в частности, специфику говорную. В историографии сложилось мнение о наличии в языке горских евреев диалектного членения, а между тем, у них наблюдается лишь говорное членение. Обоснование точки зрения о диалектных различиях в этом языке в работах предшественников отсутствует; она в них принимается за аксиому.

О диалектном членении горско-еврейского языка говорится в труде Н. А. Анисимова. Диалекты Дагестана обоснованно рассматривались им как промежуточные между диалектами Северного Кавказа и современной Азербайджанской Республики (Anisimov 1932: 15). Это единство говора Дагестана сохраняют поныне.

О диалектном членении языка горских евреев пишет и Е. М. Назарова: «Язык горских евреев членится на диалекты и говоры. Особо заметные различия, в основном в фонетике и лексике, наблюдаются между тремя диалектами: северным, или кайтагским (к которому относятся махачкалинский, грозненский, нальчикский, моздокский говоры), средним — дербентским и южным — кубинским. Что же касается говоров варташенских и ширванских евреев, то они практически не изучены» (Назарова 1996: 124). Обоснование для выделения дербентского диалекта в качестве среднего ею не приводится.

На взгляд автора, от этого лучше отказаться. Дербентский говор, по ряду признаков фонетического и лексического порядка, может быть отнесен в одну группу с кубинским (см. ниже). По мнению автора, лучше отказаться и от используемого Е. М. Назаровой определения «северный, или кайтагский диалект». Аргументация следующая. В основе всех северных говоров действительно лежит маджалисский говор (с. Маджалис — административный центр Кайтагского района Республики Дагестан), известный у горских евреев также как кайтагский, однако, нельзя не заметить, что говоры, локализуемые севернее Маджалиса, содержат несвойственные маджалисскому говору азербайджанизмы и ногайизмы архаичного порядка (см. ниже). Это уже само по себе свидетельствует о том, что северные говоры успели за свою историю пройти столь значительную трансформацию, что имеют явно выраженные признаки особых говоров. Более детально эти различия будут описаны в работе, специально посвященной данной теме. Следует также считаться и с тем, что носителям каждого из говоров, локализуемых севернее Маджалиса, представляется недопустимым включение своего говора в состав группы, именуемой «кайтагской».

Разумеется, каждый носитель каждого из этих говоров подозревает о родстве своего собственного говора с кайтагским, но при этом он считает самым правильным, самым чистым свой собственный говор. Да и свою культуру в целом он также считает самой правильной, самой чистой, лишенной каких-либо заимствований (это же свойственно и самопозиционированию территориальных групп любого другого народа). Поэтому в данном случае лучше использовать более нейтральное определение «северные говоры».

Важную роль в освещении проблемы формирования и развития ряда территориальных групп горских евреев сыграла одна из работ М. С. Куповецкого (Куповецкий 2010).

Очень пространный текст по данной теме содержится в одной из статей В. И. Колесова. Этот текст лучше разобрать по частям. Первая цитата: «Отличительные особенности хозяйственной деятельности, бытовой культуры и языковых практик (дву-,

полиязычие) общин/групп горских евреев, ... актуализируют исследовательское внимание к артикулируемым параметрам границ локальных ареалов (например, противопоставление «кайтагские» vs. «дербентские», или «дербентские» vs. «губинские») или даже выделение отдельных локальных групп (например, совершенно особые «варташенцы», или «шурьё», выходцы из Темир-хан-Шуры среди «кайтагских»)» (Колесов 2023: 341).

Первое, что следует прокомментировать, это фразу «шурьё», выходцы из Темир-хан-Шуры». Термин, обозначающий обитателей квартала горских евреев в Темир-хан-Шуры (современный Буйнакск), передан В. И. Колесовым неточно; должно быть: *шурой*; его множественная форма: *шурогьó*. Что же касается противопоставления территориальных групп друг другу, то оно существует всегда и везде. Такое же противопоставление имеет место и между обитателями разных кварталов, даже если они населены представителями одного народа.

Далее В. И. Колесов пишет: «В качестве дискуссионной модели можно представить следующую иерархию: «горские евреи Кавказа» дифференцируются на две условные части — северную («кайтагские») и южную («губинские»), в свою очередь эти части делятся на группы и одноаульные общины, появившиеся в обозримый исторический период в связи с Кавказской войной, российской колонизацией и миграциями еврейского населения в регионе... Таким образом, кайтагские включают в себя уже упомянутых «шурьё», «нальчикских», «грозненских», «кизлярских» евреев, составивших общины при российской крепостях..., а также проживавших в «туземных» аулах — Эндери (Андрей-аул), Костек, Дешлагар, Аксай, Енгикент, Ньюнди и других. «Губинские» (жители Красной Слободы г. Куба, ныне — Губа, Азербайджан) же послужили основанием для формирования горско-еврейской общины г. Баку» (Колесов 2023: 341).

Здесь В. И. Колесовым допущена неточность: базой для формирования горско-еврейской общины Баку послужили не миграции из Красной Слободы, а миграции евреев из Гиляна в начале XIX в. (см. ниже). Миграции же горских евреев в этот город из Кубы разворачиваются лишь в последние десятилетия XIX в. (Куповецкий 2010: 162–164). И еще одна неточность В. И. Колесова: его утверждение о наличии общины горских евреев в крепости Кизляр в XIX в. не соответствует действительности. Их община в Кизляре возникает в XX в.

Что же касается предложения подразделять территориальные группы горских евреев на северные («кайтагские») и южные («губинские»), то оно, как будет аргументировано ниже, представляется вполне приемлемым. И, несмотря на то, что из указанной реконструкции В. И. Колесова выпадает дербентская группа, его предложение может быть принято за основу, но разумеется, оно требует детализации и более развернутого научного обоснования. От определения же им северной группы в качестве «кайтагской» лучше отказаться, даже употребляя это определение в скобках (см. выше).

Говорные различия в языке горских евреев в значительной степени обусловлены сравнительно небольшим числом лексических заимствований из различных языков соседних народов, причем в качестве языков доноров для них выступали тюркские языки Восточного и Северного Кавказа — азербайджанский, ногайский и кумыкский, что объяснимо тем, что до середины XX в. те выступали языками высокой культуры для местных народов. В языке горских евреев редко удается выявить лексические заимствования из северокавказских языков, причем все выявленные случаи обнаруживают посредничество тюркских языков. Пространное исследование этого вопроса будет представлено в другой статье автора. Говорные различия обусловлены также

рядом фонетических различий, обусловленных влиянием тех же тюркских языков. Очень редко, но все же наблюдаются различия и в синтаксисе говоров, причем и они также обусловлены влиянием тюркских языков.

Территориальные группы горских евреев и соответствующие им говоры подразделяется на две основные группы: северную и южную. В ареале распространения говоров северной группы языками межэтнического общения долгое время служили кумыкский и ногайский, тогда как в ареале распространения говоров южной группы таковым являлся азербайджанский. Представители северной группы свободно владели кумыкским или ногайским, но мало, кто понимал азербайджанский. В южной же группе все свободно владели азербайджанским, но мало, кто понимал кумыкский или ногайский. Южная группа представлена дербентской (на территории современной Республики Дагестан), кубинской, ширванской, варташенской (на территории современной Азербайджанской Республики) и тбилисской (на территории Грузии) подгруппами.

Указанные выше тюркские языки длительное время служили для народов Северного и Восточного Кавказа, в том числе и для горских евреев, языками высокой культуры, в том числе и поэтической (см. выше). Так, по сообщению И. Ш. Анисимова (1862–1928), свои песни горские евреи сочиняли только на тюркском (*Анисимов* 1888: 51, прим. «*»), и данная ситуация сохранялась до 30-х годов XX в. (см. ниже). Говоря о светской песенной культуре горских евреев, следует отметить, что для их южных групп характерна привязанность к азербайджанской песенной традиции, тогда как для северных — к кумыкской.

Разделение говоров горских евреев на северные и южные совпадает и с рядом других достаточно принципиальных различий в их культуре. Это, к примеру, различия в музыкальных и танцевальных традициях. Так, у носителей северных говоров принята так называемая кумыкская лезгинка, тогда как у южных — азербайджанская лезгинка. Автор этих строк родился и вырос в Дербенте (1961 г. р.), но еще в детском возрасте он неоднократно имел возможность убедиться в том, что горские евреи Буйнакса и Махачкалы играют и танцуют странную лезгинку, которая именуется ими кумыкской. Привычная же для автора лезгинка, именуется ими азербайджанской, причем далеко не каждый местный музыкант может ее сыграть.

Дербентская подгруппа называется горскими евреями *дербендигьó* / «дербентцы» (здесь и ниже: термины языка горских евреев приводятся в литературных формах). Название их говора: *дербенди* / «дербентский». В нем присутствуют азербайджанизмы, но эти азербайджанизмы по своему набору и по своим диалектам источникам не совпадают с соответствующими наборами других говоров южной группы (об этих наборах см. ниже). Для него характерен ряд фонетических особенностей, обусловленных влиянием дербентского диалекта азербайджанского языка. В ряде выражений этого говора наблюдается калькирование синтаксиса, свойственного дербентскому диалекту азербайджанского. Лексические заимствования из северокавказских языков встречаются в дербентском говоре только в азербайджанской передаче. Мелодика их речи, на слух автора, близка к мелодике дербентских городских азербайджанцев.

Следует также отметить, что сельские говоры Дербентского, Табасаранского, Сулейман-Стальского и Магарамкентского районов современного Дагестана представляли собой подварианты дербентского городского говора, а говор сказителя Хизигьё Эми Дадашева из с. Нюгди, со слов которого Х. Д. Авшалумовым, М. М. Дадашевым и Д. А. Агниловым был записан целый ряд сказок (см. выше), представлял собой нюгдинский подвариант дербентского городского говора.

Тот факт, что они были изданы на языке горских евреев, позволяет изучать и манеру повествования Х. А. Дадашева, и сами сюжеты этих сказок, и особенности языка их изложения. Следует также отметить, что только один из сельских говоров Табасаранского района, а именно говор жителей с. Бильгади, представлял собой не подвариант дербентского говора, а подвариант говора маджалисского (см. ниже). Следует также отметить, что в фольклоре дербентской подгруппы встречаются азербайджанские песни и сказания.

Еврейская слобода города Кубы (в 1926 г. переименована в Красную слободу) была образована в середине XVIII в. Это был один из крупнейших пунктов концентрации горских евреев. Данная подгруппа называется *гъубеигъó* / «кубинцы», а их говор — *гъубей* / «кубинский». Кубинский говор, благодаря публикациям словарей Я. М. Агарунова и М. Я. Агарунова (*Агарунов* 2005; *Агарунов, Агарунов* 2010), становится наиболее хорошо изученным. В нем присутствуют азербайджанизмы, но эти азербайджанизмы по своему набору и по своим диалектам источникам не совпадают с соответствующими наборами других говоров южной группы. Для него характерен ряд фонетических особенностей, обусловленных влиянием кубинского диалекта азербайджанского языка. Лексические заимствования из северокавказских языков встречаются в кубинском говоре только в азербайджанской передаче. Мелодика их речи, на слух автора, близка к мелодике кубинских азербайджанцев. У них можно услышать азербайджанские песни и сказания.

Ширванскую подгруппу составляют потомки евреев, выходцев из Гиляна. Последние в 80-е годы XVIII в. мигрируют в область Ширван и в Баку. Из Баку им в начале XIX в. пришлось перебраться в Еврейскую слободу Кубы (*Куповецкий* 2010: 161, 170), где ими со временем образуется квартал Гилекí. Часть этих мигрантов переселилась оттуда в Дербент, в их числе, и предок автора по отцовской линии Ишмоýл по прозвищу *Иронí* «Иранец». Новая же бакинская община была основана спустя несколько десятилетий мигрантами из Ширвана (*Куповецкий* 2010: 162–164). Последние при Советской власти постепенно практически полностью мигрируют в Баку. Наименование этой подгруппы: *ширвонигъó* / «ширванцы». Их говор известен как *ширвонí* / «ширванский». Он известен также как *бокуí* / «бакинский». В их лексике встречаются азербайджанизмы. Для этого говора характерен ряд фонетических особенностей, обусловленных влиянием азербайджанского. В ряде выражений этого говора наблюдается калькирование синтаксиса, свойственного бакинскому диалекту азербайджанского. Заимствования из северокавказских языков встречаются у них только в азербайджанской передаче. Мелодика их речи, на слух автора, близка к мелодике бакинских азербайджанцев, но не до конца идентична ей. У них можно услышать азербайджанские песни и сказания.

Наиболее ранние сведения об общине с. Варташен относятся к концу XVII в. (*Куповецкий* 2010: 170). В этом селении они жили совместно с удинами и армянами. В Варташене у горских евреев были два квартала: верхний и нижний (*Куповецкий* 2010: 167). Они свободно владеют армянским и удинским. Удинизмов и арменизмов выявить в их говоре пока не удалось. Они свободно владеют также азербайджанским. В их лексике встречается ряд азербайджанизмов. Языком высокой культуры у них служит азербайджанский. Мелодика их речи близка к мелодике карабахских армян и карабахских азербайджанцев.

У них можно услышать азербайджанские и армянские песни и сказания. Ряд их преданий, легенд и сказок изданы в переводе на русский священником-удином

М. Бежановым (*Бежанов* 1894). Тот в ряде случаев, в ущерб литературным достоинствам своего перевода, стремясь передать самобытность и колорит горско-еврейских сказаний и манеру изложения рассказчика, дословно переводит свойственные языку горских евреев выражения, а также еще и выражения, азербайджанские по своему происхождению. Присутствие в этой публикации М. Бежанова дословного перевода горско-еврейских выражений позволяет использовать соответствующий материал для обратного их перевода, что позволит пролить некоторый свет на особенности синтаксиса варташенского говора по состоянию на конец XIX в.

Присутствие же в публикации М. Бежанова дословного перевода ряда азербайджанских по своему происхождению выражений позволяет использовать соответствующий материал для обратного их перевода и последующего анализа полученных реконструкций на предмет изучения диалектной принадлежности тех или иных азербайджанских выражений и изучение возможности привлечения полученных результатов к исследованию истории языковых контактов горских евреев Варташена с носителями различных азербайджанских диалектов, что, в свою очередь, позволит дополнительный свет на историю формирования этой подгруппы, на историю миграций населения, сформировавших ее горско-еврейские кварталы.

В первой половине XIX в. крупная группа горских евреев Варташена, спасаясь от произвола своего хана, мигрирует, по настоянию генерала А. П. Ермолова, в Тифлис (современный Тбилиси). В настоящее время она известна под названием *тифлисигьó* / «тифлисцы». Их говор известен как *тифлисцá*. В нем присутствует незначительное число азербайджанизмов архаичного порядка, но куда больше в нем русизмов и грузинизмов, в том числе и архаичных по своей природе. Тбилисцы свободно владеют русским и классическим грузинским. Мелодика их речи, на слух автора, близка мелодике тбилисских грузин. В фольклоре тбилисской подгруппы встречаются русские и грузинские песни и сказания. Эта подгруппа до настоящего времени в литературе никак не была представлена.

В изложенную выше модель членения территориальных групп горских евреев на северные и южные, тбилисская подгруппа вписывается с некоторой натяжкой. Указанная модель подразумевает значительную роль в прошлом в культурном развитии южных групп азербайджанской культуры. Это справедливо и для тбилисской подгруппы, однако, в ее развитии существенную роль сыграли также грузинские и русские культурные традиции.

Моздокская подгруппа (на территории современной Республики Северная Осетия — Алания) была основана мигрантами из южного Дагестана и Кубы в 30-е годы XX в. Ряд других групп горских евреев, переселявшиеся в этот период на Северный Кавказ и в Крым, были истреблены фашистами в 1943. Значительные потери понесли и горские евреи, расселенные в Моздокском районе, но часть из них все же уцелела. Моздокская подгруппа известна у горских евреев под названием *моздокигьó* / «моздокцы», а их говор под название *моздоки́* / «моздокский». Последний представляет собой смесь дербентского и кубинского говоров.

Северная группа представлена маджалисской, янгикентской, махачкалинской, каспийской, буйнакской, хасавюртовской, кизлярской, грозненской, нальчикской, джегонасской подгруппами.

Для слуха уроженца Дербента, мелодика речи всех более северных по отношению к Дербенту говоров Дагестана проявляет родство с таковой у кумыков, но проявляет себя оно в разных говорах по-разному. Так, мелодика речи обитателей Маджалиса

и расположенного в 9 км от него Янгикента (горские евреи называют это селение *Нуьгеди́гь*; это название имеет то же значение, что и его кумыкская калька *Янгикéнт*, «Новая деревня») близка мелодике маджалисских и янгикентских кумыков, хотя и не до конца с ней совпадает.

Наименование маджалисской подгруппы *меджелиси́гь* / «маджалисцы», а их говора — *меджелисí* / «маджалисский». Наименование янгикентской подгруппы *нуьгеди́гь* «нюгединцы», а их говора — *нуьгеди́гь* / «нюгединский». В их говорах встречаются кумыкизмы и, реже, азербайджанизмы. В ряде выражений этих говоров наблюдается калькирование синтаксиса, свойственного маджалисскому диалекту кумыкского. Они свободно владеют кумыкским. В фольклоре маджалисской и янгикентской подгрупп встречаются кумыкские сказания и песни.

По местному преданию, в период Кавказской войны немногочисленные группы жителей Маджалиса и Янгикента переселились в с. Бильгади (современный Табасаранский район Дагестана). К 1958 г. все жители этого села мигрируют в Дербент. Их говор представляет собой подвариант маджалисского.

Русская крепость Петровская на месте современной Махачкалы была устроена в 1844 г. В 1857 г. крепость получила статус города под названием Петровск. Там к этому времени сложился квартал горских евреев. В 1921 г. город был переименован в Махачкалу. В XX в. ее горско-еврейская община непрерывно росла за счет миграций из Маджалиса, Дербента и др. К 1989 г. она становится одной из крупнейших. Махачкалу горские евреи, так же как и другие местные народы, называют Гэнджи́. Представителей местной общины они именуют гЭнджигь́ «анджийцы», а их говор — ГЭнджий «анджийский». В нем встречаются кумыкизмы и, реже, азербайджанизмы архаичного плана. Его носителям свойственно выпевание фраз на втором слове. Они свободно владеют кумыкским. Для слуха автора, мелодика их речи близка мелодике таркинских кумыков, но все же не во всем. У них можно услышать кумыкские песни и сказания.

В 1932 г. в 14 км к югу от Махачкалы был основан поселок Двигательстрой. В 1947 г. тот получил статус города под названием Каспийск. Первые группы горско-еврейского населения в этом городе были представлены мигрантами из Махачкалы. В настоящее время говор горских евреев Каспийска неотличим от махачкалинского. К махачкалинскому говору по своим основным характеристикам примыкают также хасавюртовский и кизлярский говоры.

Буйнакская община была образована в XIX в. Буйнакск горские евреи называют *Шурó*. Производное от этого названия *шурогь́* / «шуроинцы» они применяют к представителям буйнакской подгруппы. Их говор они именуют *шуроí* / «шуроинский». Буйнакский говор отличает очень высокий темп речи. Этим же отличается буйнакский диалект кумыкского, и можно полагать, что последнему тот и обязан наличием данного качества. В ряде выражений этого говора наблюдается калькирование синтаксиса, свойственного буйнакскому диалекту кумыкского. Мелодика речи носителей буйнакского говора проявляет родство с таковой у носителей буйнакского диалекта кумыкского, но все же не во всем. Еще одна особенность этого говора состоит в выпевании фраз в финальном слове. У них можно услышать кумыкские песни и сказания.

Грозненская община была образована в середине XIX в. Горские евреи называют Грозный *Сиву́ндж-гьэлесí* / «Сунженская крепость». Это наименование Сунжи проясняет полное созвучие с формой, встречающейся в одном из говоров ногайцев со-

временной Чечни. Для сравнения: ее кумыкское наименование — *Сувьгьубнч/ Сувьубнч*. Производное от указанного наименования Грозного — *сивундж-гьэлесигьó* / «грозненцы» — горские евреи применяют к представителям грозненской общины. Их говор они именуют *сивундж-гьэлесий* / «грозненский». Мелодика речи их говора близка к мелодике терских казаков и ногайцев современной Чечни. В их говоре встречаются ногайизмы, кумыкизмы и, реже, азербайджанизмы архаичного плана. Встречаются в нем также лексические заимствования из терско-казачьей речи. Заимствования из северокавказских языков встречаются только в тюркской или же в терско-казачьей передаче. Они свободно владеют терско-казачьей речью, ногайским, чеченским. В фольклоре грозненской группы встречаются песни и сказания терских казаков, ногайцев современной Чечни и чеченцев.

Мелодика речи носителей нальчикского говора близка к мелодике кубанских казаков и кубанских ногайцев. В их говоре встречаются ногайизмы, а также кумыкизмы и азербайджанизмы архаичного плана. Встречаются в нем также заимствования из кубанско-казачьей речи. Заимствования из северокавказских языков встречаются только в тюркской или же в кубанско-казачьей передаче. Нальчикская община известна у них под названием *налчикигьó* / «нальчикцы», а их говор под название *налчикий* / «нальчикский». В их фольклоре встречаются песни и сказания кубанских казаков и кубанских ногайцев.

К нальчикскому говору по своим основным характеристикам примыкает джегонасский говор, но в последнем наблюдается больше заимствований из кубанско-казачьей речи. Джегонасская община известна у горских евреев под названием *гьубонигьó* / «кубанцы», а их говор под название *гьубоний* / «кубанский».

В прошлом существовал еще и ряд других говоров северной группы: андрейаульский, аксаевский, костекский, таркинский, дешлагарский, дюргелинский и др.

Приведенный выше пример с моздокским говором представляет собой редкий случай, когда носители разных говоров одновременно мигрируют на территорию, где до этого ни один из их говоров не был представлен. Те же случаи, когда мигранты попадают на территорию, уже освоенную представителями других говоров, можно рассмотреть на примере истории языкового развития нальчикской группы.

В XX в. наблюдаются активные миграции в Еврейскую колонку Нальчика уроженцев самых разных подгрупп, но, как и в других подобных случаях, побеждает говор старожиллов. Так, в Нальчике в 1989 г. проживало около 10 тысяч горских евреев, и при этом мигрантов там в этот период было в несколько раз больше, чем коренных, но победил говор коренных. Гости Нальчика, посещающие его с разными целями, говорят в публичных местах на местном наречии или же хотя бы проявляют стремление говорить на нем, и, даже если они свободно владеют местной речью, говорят на нем с акцентом, подчеркивающим привычный тем языковой ландшафт. Если же у гостей возникают трудности с общением на местном говоре, они переходят на общепонятный для собравшихся тюркский язык или, чаще, на русский.

Общение приезжих на чужбине на родном говоре представляется допустимым лишь в кругу своих земляков. Уважительное отношение к культурным традициям коренных проявляется у горских евреев не только по отношению к их говору: оно охватывает все стороны их жизни, включая фольклорные традиции. Так, в Нальчике нельзя услышать привычные для представителей южных групп сказания и песни на азербайджанском, но там можно услышать кубанско-казачьи, ногайские и кабардинские сказания и песни.

Уважительное отношение гостей Налчика к культурным традициям старожилов имеет и обратную сторону: сравнительно немногочисленные культурные различия между группами вызывают у них скрытое раздражение. Первое и оно же и самое главное, что раздражает представителей их территориальных групп, это различия в мелодике речи. Оно уже создает психологический эффект наличия непреодолимой пропасти между культурами территориальных групп, а на различия в мелодике речи наслаиваются лексические и фонетические различия между ними. И хотя эти различия немногочисленны, они все же создают дискомфорт при общении представителей разных групп. В ситуации, сложившейся к настоящему времени, им комфортней общаться на русском. Это стало одной из причин перехода горских евреев к настоящему времени на русский.

Указанный дискомфорт усугубляется наличием других культурных различий между группами. Эти различия не афишируются перед внешним наблюдателем. Перед ним горские евреи позиционируют свою культуру в следующих словах: «Нет у нас ни языковых различий, ни каких-либо других культурных различий» (представителям территориальных групп любого народа свойственно, по возможности, утаивать от внешнего наблюдателя внутренние различия). Однако, для того, чтобы излечить болезнь, а речь в данном случае идет о вымирании языка, надо распознать ее причины.

* * *

Язык — наиболее динамично развивающийся элемент любой культуры, причем его развитие подобно реке, в которую невозможно войти дважды; происходящие в нем трансформации носят необратимый характер. У указанной болезни имеются и другие причины. Останавливаться здесь на их анализе автор не может. Здесь рассмотрены только те аспекты затронутой проблемы, которые прямо или косвенно имеют отношение к теме фольклорных традиций горских евреев.

Пока же язык вымирает, это прямо отражается на состоянии других сторон их культуры, в том числе и на состоянии их фольклора. Сказания, пословицы, поговорки, присказки и прибаутки у них теперь только традиционно русские. С традиционным же для них фольклором — на горско-еврейском языке — они знакомятся в переводах на русский.

Из сказанного выше видно, что фольклорные традиции территориальных групп горских евреев еще три десятилетия назад несколько отличались друг от друга. В настоящее же время, вследствие их перехода на русский язык и на русские традиции в целом, у них наблюдается универсализация фольклорных традиций. Во второй половине XX в. роль тюркских языков в культуре народов Восточного и Северного Кавказа постепенно сходит на нет, и куда более престижный характер приобретает русский язык. Свои стихи и песни горские евреи сочиняют уже преимущественно на русском. И только горские евреи Азербайджанской Республики продолжают писать стихи на азербайджанском.

На родном языке у горских евреев имеется только одна песня: она состоит из одного куплета. По легенде, сопутствующей этой песне, она поется от имени матери невесты во время проведения церемонии проводов невесты в дом жениха. Впрочем, в уцелевшем фрагменте этой песни сохранился лишь достаточно отдаленный намек на ее принадлежность к свадебному обряду. Между тем, тот факт, что от песни со-

хранился только один куплет, а также еще и тот факт, что ее содержание сохранилось только в легенде, сопутствующей этой песне, а не в составе ее уцелевшего фрагмента, позволяет утверждать, что оригинальный, полный вариант ее текста содержал элементы, расходящиеся с еврейскими религиозными представлениями. А в таком случае, ее текст не мог не стать объектом длительного и непрерывного цензурирования со стороны наиболее продвинутых раввинов. Представляется наиболее вероятным, что она содержала имена и функции демонов.

Указанная песня — очень жалостливая и тоскливая, как в поэтическом плане, так и в музыкальном. Ее музыкальный строй проявляет отдаленное родство со стилем религиозных гимнов, составляемых горскими евреями на древнееврейском (о них см. выше). Эта песня явно очень старинная, так как содержит ряд архаичных, малопонятных ныне оборотов, и, кроме того, в ней содержатся смыслы, не до конца понятные современному слушателю. Сюжет песни кратко проанализирован в одной из работ Г. Б. Мусахановой (Мусаханова 1993: 15). Ряд языковедческих аспектов текста этой песни будут проанализированы в одной из работ автора. Следует также отметить, что память о ее свадебной принадлежности и о ее исполнении матерью невесты сохранилась, но на свадьбах она не исполнялась — ни в городах, ни в селах; вероятно, из-за противодействия раввинов. На свадьбах горских евреев исполнялись, преимущественно, песни на тюркских языках. Среди них были и песни, сочиненные самими горскими евреями. Ими исполнялись песни и на северокавказских языках, но значительно реже, чем на тюркских. В настоящее время горские евреи сочиняют песни, преимущественно, на русском. Подавляющая их часть, на взгляд автора, пока не имеет достойной кондиции.

Отсутствие у горских евреев склонности к поэтическому и песенному творчеству на родном языке, они сами объясняют его недостаточной развитостью, по сравнению, например, с тюркскими. Не у одних только горских евреев, но и у ряда других еврейских групп, отношение к родному языку столь же критичное. В советский период у горских евреев, под влиянием властей, появляются образцы поэтического творчества на родном языке, но те долго еще появлялись на свет вперемежку с образцами на тюркских языках. Развитие поэзии на родном языке шло у них под явным идеологическим прессингом властей, требовавших от творческой общественности разностороннего развития культуры каждого народа, в том числе и поэтической. В последнее предвоенное десятилетие у горских евреев наблюдается количественный и качественный рост поэтических произведений на родном языке. Этот рост наблюдается поныне.

Как уже отмечалось, горскими евреями для религиозных праздничных ритуалов сочиняются гимны на древнееврейском. В их музыкальном оформлении использовалась архаичная, несвойственная другим еврейским группам, музыкальная традиция. В последние десятилетия она почти полностью вытеснена из обихода современными израильскими музыкальными традициями.

* * *

Следует также отметить, что сказители именуются горскими евреями *овосунечі́/ овсунечі́*, от *овосу́(н)/ овосунé/ овсунé* «сказка; небылица». Термин *овосунечі́/ овсунечі́* имеет полупрезрительное содержание, так как *овосу́(н)/ овосунé/ овсунé* ассоциируются у горских евреев с ложью, с лживыми историями. И это при том, что *овосунечі́/ овсунечі́* являлись знатоками и передатчиками их традиционного

фольклора. Множественная форма термина *овосу́(н)/ овосунé/ овсунé* — *овосунегьó/ овсунегьó* — имеет значение «небылицы, сказки, легенды и предания», но в расширительном значении она служит также и для обозначения пословиц, поговорок, при сказок, прибауток.

Первым сказителем, с которым автор данного текста столкнулся в Дербенте лично, причем дважды, был некто *лелей Сосун* «дядя Сосун» (так к нему обращались окружающие), мужчина лет сорока. Он приходил на соборезнование к старшему дяде автора по отцу в 1975 г. Он был явно потомком — два-три поколения назад — выходцев из деревни, но говорил городским дербентским говором горско-еврейского языка. Он рассказывал сказки и на библейские сюжеты, и на общеиранские. Он рассказывал также предания о происхождении горских евреев, об их миграциях из одного населенного пункта в другой. Рассказчиком он был более, чем увлекательным.

В 1994 г. автор имел более двух десятков аудиенций у дербентского сказителя Рафаила Авияевича Рафаилова по прозвищу Тарзан (1924–1997). Рафаил Рафаилов был могучим мужчиной, ростом примерно 1,80. Он являлся потомком выходцев из дагестанского с. Карчаг и работал в одном из дербентских совхозов водителем МАЗа. С его слов автором записано несколько небылиц, более двух десятков сказок, около десяти исторических сказаний и несколько десятков пословиц и поговорок на горско-еврейском языке. Записана автором также песня на говоре горских евреев с. Маджалис. Пока удалось опубликовать только незначительную часть данного материала.

Автору удалось также несколько раз встречать Р. А. Рафаилова в дербентской чайхане. Стоит заметить в данной связи, что в прошлом данные заведения посещались только мужчинами. В них подавался черный чай, заваренный по-купечески в чайничках. По числу персон подавали стаканы-армуди. Подавали колотый сахар-рафинад. Курящим приносили пепельницу. Никакого варенья или меда и никаких хлебобулочных изделий там не подавали. Работали в чайхане азербайджанцы. Посещали ее преимущественно азербайджанцы, горские евреи и русские.

В чайхане Р. А. Рафаилов на призывы на родном языке «Э Тарзán, е-дúь ихтилий-отгьойтúьре мисохí эрíму?» («Тарзан, расскажешь нам одну–другую из своих историй?»), мог не согласиться, ссылаясь на усталость. Но мог и сам, без каких-либо просьб, обратиться к публике с предложением «послушать Тарзана». Обращался к публике он всегда без восклицательных знаков и не надрывая голос: «Шíновусит гый-могьóй, одомигьó. Тарзán е ихтилийóте ишмúре мисохú» («А теперь послушайте, люди. Тарзан расскажет вам одну историю»). Все, независимо от возраста и чина, от этнической и расовой принадлежности, и даже лица, переживающие в текущий момент состояние отравления продуктами распада алкоголя в крови, мгновенно замолкали.

Следует также отметить, что автору во время своих посещений дербентской чайханы не приходилось слышать от Р. А. Рафаилова ни одной небылицы. По всей видимости, это было связано с тем, что термин *овосу́(н)/ овосунé/ овсунé* имеет, как уже было сказано, отчасти пейоративный характер. Что же касается тех небылиц, которые автору удалось услышать от Р. А. Рафаилова, то они были рассказаны им в его собственном доме, и, кроме того, все они были рассказаны им со ссылками на других сказителей, причем в числе последних фигурировали персоны, жившие в начале XX в.

И еще одна деталь: несмотря на отчасти пейоративный характер термина *овосу́(н)/ овосунé/ овсунé* и производного от него *овосунечí/ овсунечí* любая аудитория сказителей, по какому случаю бы она не собралась, внимала их историям с повышенным интересом.

Данную ситуацию можно сопоставить с низким социальным статусом музыкантов

на Кавказе (впрочем, в горско-еврейском обществе и у армян все наоборот: музыканты у них пользуются всеобщим уважением) и в ряде сопредельных с ним регионов, но поскольку музыка при этом — самое завораживающее из искусств, то достаточно талантливый музыкант может снискать себе и славу, и внимание общества.

Автору приходилось слышать от Р. А. Рафаилова и от дагестанских фольклористов Лазаря Амирова и Александра Захарова о дербентском сказителе по имени Исогъ (именно так у горских евреев звучит библейское *Исак*), являвшемся потомком выходцев из с. Араг. Его фамилию установить не удалось. В 1989 г. тот, будучи уже ветхим стариком, переехал в Израиль.

В настоящее время у горских евреев нет ни одного сказителя на родном языке — Р. А. Рафаилов был последним из них. Исчезновение у горских евреев традиции сказительства на родном языке связано с вытеснением последнего в семейном обиходе русским. Другая причина состоит в их почти полном отрыве от традиционного этнокультурного окружения. Разумеется, сказительская практика у них продолжает свое бытование, но ведется она уже, преимущественно, на русском.

* * *

Функционирование фольклорных сюжетов наблюдается у горских евреев и при проведении обряда оплакивания. Тот пока еще не описан в литературе. Следует отметить в данной связи, что детали поминальных церемоний у территориальных групп не во всем совпадают. Так, в Дербенте мужчинам и женщинам при проведении церемонии оплакивания и выражения соболезнований отводились разные комнаты, тогда как в Махачкале и Буйнакске такого правила не наблюдалось, но и там мужчины и женщины восседали на отдельных лавочках.

Обряд оплакивания в южных территориальных группах называется *гирйó*; в большинстве же северных этот термин имеет форму *гирйé*. Центральной фигурой в проведении данного обряда является *гирйосóх/ гирйесóх* «плакальщица».

Поминальные плачи повторяются не один раз, поэтому плакальщица должна иметь хорошую физическую и эмоциональную подготовку. От нее требуется и мастерство владения аудиторией, и умение владеть голосом, и соблюдение сложившихся традиций в проведении данной церемонии. Плакальщица располагается в женской части общества. Она запекает каждый очередной плач, а присутствующие женщины подпевают ей. Она сама следит за устройством перерывов между плачами. В этих перерывах плакальщица может, в очередной раз выразить соболезнования семье умершего, — от своего имени и от имени собравшихся — и, дабы несколько понизить общий накал эмоций, поделиться с присутствующими женщинами актуальными новостями. Во время таких перерывов плакальщица может рассказать какое-нибудь предание или сказку, или же попросить более искусную рассказчицу, чем она, рассказать что-нибудь присутствующим.

Во время таких перерывов в мужской части собравшиеся могут также перейти к обмену новостями и к сказыванию сказок. Несколько десятилетий назад сказывание сказаний происходило на родном языке, а в настоящее время чаще на русском. С появлением каждого нового участника траурных мероприятий, любого пола, и любого возраста, плакальщица запекает очередной плач, а присутствующие женщины его подхватывают. В прошлом плачи проводились на родном языке. Если же среди пришедших выразить соболезнования родственникам покойного был христианин или

мусульманин, то плакальщица при его появлении переходила на соответствующий ситуации язык. В настоящее время плакальщицы чаще ведут поминальные плачи по-русски — и в России, и в других странах пребывания горских евреев. Музыкальный строй плачей проявляет отдаленное родство со стилем религиозных гимнов горских евреев, составляемых ими на древнееврейском (о них см. выше).

* * *

Подводя итог, можно еще раз отметить, что до середины XX в. в сказительской практике горских евреев доминировали сказания на родном языке. Начиная же с указанного рубежа, у них наблюдается вытеснение родного языка русским. И сказания, поговорки, присказки и прибаутки у них теперь только традиционно русские. С традиционным же для них фольклором на горско-еврейском языке они знакомятся в русских переводах.

Научная литература

- Агарунов М. Я.* Язык горских евреев. Кн. 1: Еврейско-русский словарь. Библиографический указатель. Баку: Абилов, Зейналов и сыновья, 2005. 367 с.
- Агарунов Я. М., Агарунов М. Я.* Большой словарь языка горских евреев — джуури. Пятигорск: ПЕРО «Геула», Рекламно-информационное агентство на Кавказских минеральных водах, 2010. 660 с.
- Анисимов И. Ш.* Кавказские еврей-горцы // Сб. материалов, издаваемый при Дашковском этнографическом музее / под ред. В. Ф. Миллера. Вып. III. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 171–322.
- Безанов М.* Евреи в с. Варташен (Елисаветпольской губ., Нухинский уезд) // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1894. Вып. 18. Отдел 3. С. 111–127.
- Генеалогия горско-еврейской фамилии Дадашевых / текст, именник и алфавитный указ-ль И. Г. Семенова; генеалогическая карта С. П. Ханукаева и И. Г. Семенова / сост-ль С. П. Ханукаев; отв. ред. Ю. И. Мурзаханов. Махачкала: Изд-во АЛЕФ (ИП Овчинников), 2013. 56 с., генеал. карта.
- Дадашев Х. Овосунегьо* / кура сохди ве гуьнжунди Даниил Агнатов (*Дадашев Х.* Сказки / собрано и составлено Д. Агнатовым). Махач-Кала: Дагестанское госуд-е изд-во, 1947. 104 с.
- Золотой сундук (сказки татов Дагестана) / сост., пер. с татского и примеч. А. Кукуллу; отв. ред. А. Л. Грюнберг; типологический анализ сюжетов А. А. Яскеляйн. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. 320 с.
- Колесов В. И.* История и культура джегонасских горских евреев в современных цифровых архивах / базах данных (источниковедческий аспект) // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 4. С. 339–351. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-4-339-351> EDN: MVYOUN.
- Кукуллу А.* Упрямый воробей (татские народные сказки) / сост. серии А. Н. Нечаев; запись и обработка А. Кукуллу; пересказ Л. Мезинова. М.: Изд-во «Малыш», 1972. 28 с.
- Куповецкий М. С.* Социокультурный анализ формирования коллективной памяти и мифологем о происхождении евреев Восточного Кавказа до 80-х годов XIX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 58–73.
- Куповецкий М. С.* К исторической демографии этнотерриториальных групп горских евреев Азербайджана в XVII–XIX вв. // *Studia Anthropologica*: Сб. статей в честь проф. М. А. Членова / редакторы-сост-ли А. М. Федорчук и С. Ф. Членова; научн. ред. О. В. Белова. М.;

- Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2010. С. 145–175.
- Миллер В. Ф. Еврейско-татский ма'ни // Записки Восточного отделения Русского императорского археологического общ-ва. Т. XXI. Вып. IV. СПб.: Тип. императорской АН, 1913. С. 0117–0128.
- Мусаханова Г. Б. Татская литература (Очерк истории. 1917–1990) / науч. ред. З. Г. Османова. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1993. 356 с.
- Назарова Е. Язык горских евреев Дагестана // Вестник Еврейского университета в Москве. № 3 (13). 1996. С. 120–146.
- Семенов И. Г. Метаморфозы эпитета «еврейский» в дагестанских преданиях // Этнографическое обозрение. 2009а. № 5. С. 134–147.
- Семенов И. Г. Метаморфозы эпитета «еврейский» в дагестанских преданиях // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. № 13 (31). М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2009б (5769). С. 81–98.
- Семенов И. Г. Легенды о «еврейском» и «христианском» прошлом мусульманских аулов Дагестана // История — Миф — Фольклор в еврейской и славянской культурной традиции. М.: Сэфер, 2009в. С. 259–273.
- Семенов И. Г. Тема израильских колен в легендах горских евреев о собственных этнических корнях // Научные труды по иудаике. Мат-лы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. III. М.: Сэфер, 2013. С. 156–161.
- Фольклор тати (эн жугьрун догъи) / гуьнжунды предисловие ве комментарийго нувьуьсди Х. Авшалумов. Махачкала, 1940. 196 с.
- Черный И. Я. Горские евреи Терской области // Сб. сведений о Терской области / под ред. Н. Благовещенского. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 309–313.
- Anisimov N. A. Gramatik zuhun tati. Maskov: Tsentroizdat, 1932. 185 p.

References

- Agarunov, M. Ya. 2005. *Yazyk gorskikh evreev. Kn. 1: Evreisko-russkii slovar'. Bibliograficheskii ukazatel'* [Language of Mountain Jews. Bk. 1: Jewish-Russian Dictionary. Bibliographic Index]. Baku: Abilov, Zeinalov i synov'ia. 367 p.
- Agarunov, Ya. M., and M. Ya. Agarunov. 2010. *Bol'shoi slovar' yazyka gorskikh evreev — juhuri* [Large dictionary of the language of Mountain Jews — Juhuri]. Piatigorsk: PERO “Geula”, Reklamno-informatsionnoe agentstvo na Kavkazskikh mineral'nykh vodakh. 660 p.
- Anisimov, I. Sh. 1888. Kavkazskie evrei-gortsy [Caucasian Mountain Jews]. In *Sbornik materialov, izdavaemyi pri Dashkovskom etnograficheskom muzee* [Collection of Materials Published by the Dashkov Ethnographic Museum], ed. by V. F. Miller. Issue III. Moscow: Tipografiia E. G. Potapova. 171–322.
- Anisimov, N. A. 1932. *Gramatik zuhun tati* [Grammar of the Tat language]. Moscow: Tsentroizdat. 185 p.
- Avshalumov, Kh. (ed.). 1940. *Fol'klor tati (en juhurun doqi)* [Tat Folklore (of the Mountain Jews)]. Makhachkala. 196 p.
- Bezhanov, M. 1894. Evrei v s. Vartashen (Elisavetpol'skoi gub., Nukhinskii uезд) [Jews in the village of Vartashen (Yelizavetpol province, Nukhinsky district)]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* 18(3): 111–127.
- Chyorny, I. Ya. 1878. Gorskie evrei Terskoi oblasti [Mountain Jews of the Terek region]. In *Sbornik svedenii o Terskoi oblasti* [Collection of Information about the Terek Region], ed. by N. Blagoveshchenskii. Is. 1. Vladikavkaz. 309–313.
- Dadashev, Kh. 1947. *Ovosuneg'o / kura sokhdi ve gu'njundi Daniil Atnilov (Dadashev, Kh. Skazki / Sobrano i sostavleno D. Atnilovym)* [Tales, ed. by D. Atnilov]. Makhach-Kala: Dagestanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 104 p.
- Kolesov, V. I. 2023. *Istoriia i kul'tura dzhegonasskikh gorskikh evreev v sovremennykh tsifrovyykh arkhivakh / bazakh dannyykh (istochnikovedcheskii aspekt)* [History and Culture of the Jegonas

- Mountain Jews in Modern Digital Archives/Databases (Source Study Aspect)]. *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"* 4: 339–351. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-4-339-351>
- Kukullu, A. 1972. *Upriami vorobei (tatskie narodnye skazki)* [The Stubborn Sparrow (Tat Folk Tales)]. Moscow: Izdatel'stvo "Malysh". 28 p.
- Kukullu, A., A. L. Griunberg, and A. A. Yaskeliain (eds.). 1974. *Zolotoi sunduk (skazki tatov Dagestana)* [The Golden Chest (Tales of the Tats of Dagestan)]. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka". 320 p.
- Kupovetskii, M. S. 2009. Sotsiokul'turnyi analiz formirovaniia kollektivnoi pamiaty i mifologem o proiskhozhdenii evreev Vostochnogo Kavkaza do 80-kh godov XIX v. [Sociocultural Analysis of the Formation of Collective Memory and Mythologies About the Origin of the Jews of the Eastern Caucasus Until the 80s of the 19th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 58–73.
- Kupovetskii, M. S. 2010. K istoricheskoi demografii etnoterritorial'nykh grupp gorskikh evreev Azerbaidzhana v XVII–XIX vv. [On the Historical Demography of Ethnoterritorial Groups of Mountain Jews of Azerbaijan in the 17th–19th Centuries]. In *Studia Anthropologica: Sbornik statei v chest' prof. M. A. Chlenova* [Studia Anthropologica: Collection of articles in Honor of Professor M. A. Chlenov], ed. by A. M. Fedorchuk, S. F. Chlenova, and O. V. Belova. Moscow, Jerusalem: Mosty kul'tury/ Gesharim. 145–175.
- Miller, V. F. 1913. Evreisko-tatskii ma'ni [Jewish-Tat ma'ni (song)]. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Russkogo imperatorskogo arheologicheskogo obshchestva* 21(4): 0117–0128.
- Musakhanova, G. B. 1993. *Tatskaia literatura (Ocherk istorii. 1917–1990)* [Tat Literature (Historical Outline. 1917–1990)]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 356 p.
- Nazarova, E. 1996. Yazyk gorskikh evreev Dagestana [The Language of the Mountain Jews of Dagestan]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve* 3 (13): 120–146.
- Semyonov, I. G. 2009a. Metamorfozy epiteta "evreiskii" v dagestanskikh predaniakh [Metamorphoses of the Epithet "Jewish" in Dagestan Legends]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 134–147.
- Semyonov, I. G. 2009b. Metamorfozy epiteta "evreiskii" v dagestanskikh predaniakh [Metamorphoses of the Epithet "Jewish" in Dagestan Legends]. *Vestnik Evreiskogo universiteta. Istoriia. Kul'tura. Tsivilizatsiia* 13 (31): 81–98.
- Semyonov, I. G. 2009c. Legendy o "evreiskom" i "khristianskom" proshlom musul'manskikh aulov Dagestana [Legends about the "Jewish and "Christian past of the Muslim Villages of Dagestan]. In *Istoriia — Mif — Fol'klor v evreiskoi i slavianskoi kul'turnoi traditsii* [History — Myth — Folklore in the Jewish and Slavic Cultural Tradition], ed. by O. V. Belova, V. V. Mochalova, V. Ia. Petrukhin, L. A. Chulkova. Moscow: Sefer. 259–273.
- Semyonov, I. G. 2013. Tema izrail'skikh kolen v legendakh gorskikh evreev o sobstvennykh etnicheskikh korniakh [The Theme of the Israeli Tribes in the Legends of the Mountain Jews about Their Own Ethnic Roots]. In *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XX Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike* [Scientific Works on Jewish Studies. Proceedings of the 20th International Annual Conference on Jewish Studies], ed. by L. V. Kalmina, T. A. Karasova, V. (Z.) Khanin, I. V. Kopchenova, V. V. Mochalova, I. G. Semyonov. Vol. III. Moscow: Sefer. 156–161.
- Semyonov, I. G., S. P. Khanukaev and Yu. I. Murzakhanov (eds.). 2013. *Genealogiia gorsko-evreiskoi familii Dadashevykh* [Genealogy of the Mountain Jewish Family Dadashevs]. Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov). 56 p.